

The Theme of “Descendants of the Executioners” in the Discourse in Memory of the “Era of Political Repressions” (2/2 2010s – early 2020s)

Yulia V. Zevako

Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Institute of History and Archaeology
Yekaterinburg, Russia. Email: [milirita\[at\]rambler.ru](mailto:milirita[at]rambler.ru)

Abstract

The search and analysis of ways to overcome the “difficult” repressive past inherited from the 20th century by many countries including Russia, is one of the tasks of contemporary humanitarian thought. However, in the reflections of many researchers, very little attention is paid to the topic of “descendants of executioners”. In Russia, the topic of “descendants of executioners” is also quite marginal.

Nevertheless, a number of significant events took place in the public media space in the 2/2 of the 2010s – early 2020s. It started a more active discussion of this topic. Thus, general public learned about the project “Investigation of KARAGODIN”, about the database “Personnel of the USSR State Security Bodies. 1935–1939”, about a letter of repentance from the granddaughter of an NKVD officer involved in the case of great-grandfather D. Karagodin, at 2016, and about a lawsuit by a descendant of another NKVD officer demanding that the author of the project be brought to legal responsibility, at 2021. In addition, the lawsuit on the liquidation of “Memorial” caused a great resonance in the society at 2021. These events intensified discussions about the “descendants of the executioners” and their responsibility for the deeds of their ancestors. Here were manifested the positions of not only the “descendants of the victims”, but also the “descendants of the executioners” and representatives of the “double heritage” (simultaneous descendants of both), trying to find ways to comprehend the inherited “legacy”. The article is devoted to the analysis of the meanings and dynamics of these discussions.

Keywords

Memory Studies; Memory Discourse; “Descendants of Victims”; “Descendants of Executioners”;
Memory of the Era of Political Repressions; “Difficult Memory”

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Тема «потомков палачей» в дискурсе памяти об эпохе политических репрессий (2/2 2010-х – начало 2020-х гг.)

Зевако Юлия Валерьевна

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
 Екатеринбург, Россия. Email: [milirita\[at\]rambler.ru](mailto:milirita[at]rambler.ru)

Аннотация

Поиск и анализ путей преодоления «трудного» репрессивного прошлого, доставшегося многим странам, в том числе России, от XX века, является одной из задач современной гуманитарной мысли. Однако в размышлениях многих исследователей внимание теме «потомков палачей» уделяется совсем немного. В России тема «потомков палачей» также является скорее маргинальной.

Тем не менее, во 2/2 2010-х – нач. 2020-х гг. в российском публичном медиапространстве произошёл ряд значимых событий, которые стали импульсом к более активному обсуждению данной темы: в 2016 г. широкая общественность узнала о проекте «Расследование КАРАГО-ДИНА», была опубликована в открытом доступе в сети Интернет БД «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939», большое внимание привлекло покаянное письмо внучки сотрудника НКВД, причастного к делу прадеда Д. Карагодина, а затем судебный иск потомка другого сотрудника НКВД с требованием привлечь автора проекта к юридической ответственности. Большой резонанс в обществе вызвал судебный процесс по ликвидации «Мемориала»*. Эти события активизировали дискуссии о «потомках палачей» и их ответственности за деяния предков, в которых проявились позиции не только «потомков жертв», но также «потомков палачей» и носителей «двойного наследия» (одновременно потомков тех и других), пытающихся найти способы осмыслить доставшееся «наследие». Анализу смыслов и динамики данных дискуссий посвящена статья.

Ключевые слова

memory studies; дискурс памяти; «потомки жертв»; «потомки палачей»; память об эпохе политических репрессий; «трудная память»

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

История XX века во всём мире полна трагических событий, связанных с уничтожением большого количества людей по самым разным признакам в результате репрессивной политики государств. Разрезанная такими болезненными линиями, память больших политических сообществ, изначально преданная забвению «ради общего мира», стала проявляться в социальных и политических кризисах, требовать своего проговаривания и манифестировать себя через разнообразные культурные практики. Правительства, озабоченные сохранением гражданского мира, общественные организации и активисты, стремящиеся преодолеть болезненные расколы, тянущиеся корнями в прошлое, во 2 половине XX в. стали инициировать создание особых практик переходного правосудия и специальной политики памяти для проработки «трудных страниц истории» (Эппле, 2021; Лёзина. 2021).

«Воспаление памяти» (Эппле. 2021, с. 29), «одержимость прошлым» в последние десятилетия захлестнула и Россию: кажется, уже проговоренная во времена Перестройки тема эпохи политических репрессий, которой, как выразился А. Шалаев, «в 90-е уже наелись» (Бондаренко, 2016), оказалась востребованной и актуальной в 2010-е у следующего поколения от репрессированных (отчасти 3-го и 4-го поколений, внуков и правнуков), не знакомых с дискуссиями 1990-х гг.¹ Примечательно также, что если в 1990-е гг. речь шла о восстановлении памяти и «возвращении имён» жертв репрессий, то с середины 2010-х гг. стали заметны инициативы «предъявления имён» «палачей» (БД «Кадровый состав...» 2016, Проект «Расследование...») – постановка вопроса «я хочу знать, что произошло на самом деле», характерная для представителей третьего и далее поколений (Эткинд, 2016, с. 13, 19).

Всё это говорит о том, что «последствия ГУЛАГа до сих пор не изжиты российским обществом» (Курилла, 2022, с. 183) и требуют новой «проработки» и проговаривания – уже поколениями потомков. Вероятно, именно в силу того, что в России не было проведено «комиссий правды и примирения» – потребность в правде и примирении в обществе существует, о чём свидетельствуют многочисленные низовые инициативы и мероприятия различных государственных и муниципальных культурных учреждений², а также результаты исследования «Путь к общей памяти» (Преодоление..., 2019).

1 Фильм Ю. Дудя (признан иноагентом) «Колыма – Родина нашего страха», вышедший в 2019 г., стал востребованным именно у молодёжи, «открыв» или переоткрыв для них эту тему (что видно по комментариям). На 12.01.2022 фильм посмотрели более 26 млн. раз, оставив (на текущий момент) более 188 тыс. комментариев.

2 Из самых известных – акции «Мемориала»*: «Возвращение имён», «Последний адрес», «Топография террора» и соответствующие тематические экскурсии, создание БД репрессированных и БД сотрудников НКВД за 1936 – 1939 гг.; просветительская и экскурсионная деятельность Государственного Музея истории ГУЛАГа в Москве, создание под его эгидой Ассоциации «Музеев памяти», объединившей музейных активистов со всей страны; проекты Д. Карагодина и И. Яковлева и многое др.

Преодоление «трудного прошлого», «симметрия памяти» и «травма осознания»

Преодоление «трудного прошлого» известная исследовательница памяти А. Ассман видит в достижении «симметрии памяти» жертв и палачей, а в условиях временной дистанции от «травмирующих» событий – «потомков жертв» и «потомков палачей» (что существенно смещает акценты). Ситуация, когда «разделяющие воспоминания оставляют память о страданиях самим группам пострадавших, в то время как потомки преступников продлевают то забвение, к которому стремились их предки», приводит к тому, что «продолжает сохраняться изначальная убийственная асимметрия» (Ассман, 2014, с. 295). Симметрия в данном случае мыслится как предоставление голоса обеим сторонам: жертвам и их потомкам – как бы ни было это неприятно слышать преступникам и их наследникам; «потомкам палачей» – как бы ни было им трудно осознавать и переживать преступления предков, тяжело осмысливать кровное родство с ними. «Лишь сопереживание и признание чужой памяти о страдании могут преодолеть это фатальное размежевание, создавая общую и обязательную для всех коммеморацию» (с. 295), «совместное воспоминание» (с. 114) – подчёркивает А. Ассман.

Появление инициатив, связанных с озвучиванием имён «палачей» и, тем самым, словно обращающихся к их потомкам, в некоторой степени стало поводом к поиску, «нащупыванию» языка для создания будущей общей коммеморации, первыми шагами в этом направлении.

Исследуя опыт разных стран, в том числе пример «травмы Холокоста», А. Ассман размышляет о сущности и логике подобных коммемораций: «Способны ли... те, кто не был очевидцем, то есть потомки жертв [можно добавить – и «потомки палачей», и «потомки доносчиков» и т.д. – прим. авт.], представить себе столь массовое истребление людей? Может ли состояться процесс психологической идентификации, когнитивного и эмоционального обращения к травматическому событию, чтобы сделать его частью культурной памяти?» Эти вопросы становятся всё более актуальными потому, что, как констатирует исследовательница, «акцент сместился от нарратива к рецепции» (с. 258), так как непосредственные участники событий, «очевидцы», естественным образом уходят в мир иной. Соответственно, передающиеся внутри семьи и/или собранные исследователями «нарративы» в качестве «отчуждённой памяти» требуют перевоплощения, обретения новых форм, чтобы выйти за пределы «фамилиальной постпамяти», вовлекая в «сохранение истории» всё большее количество людей и утверждаясь в качестве «ассоциативной постпамяти» (Хирш, 2016) (термин М. Хирш, стыкующийся с «культурной памятью» А. Ассман).

М. Хирш полагает, что способы «вовлечения», то есть осуществления «процесса когнитивного и эмоционального обращения к травматическому

событию», связаны с «перевоплощением памяти повторно через другие институты» (Там же). Эффект «психологической идентификации» при работе с «трудной» памятью, согласно В. Дорман, «возникает не изнутри и не вблизи, а снаружи и на расстоянии, и ее [память] необходимо не столько хранить и оберегать, сколько провоцировать, организовывать и собственно формировать» (Дорман, 2010, с. 331). В этих условиях становятся очевидными «проблемы репрезентации и связанных с ними эстетических и этических решений» (Ассман, с. 258): «провоцирование», «вовлечение», поиск способов глубокой «рецепции» травматического опыта предков кажется возможным только через практики «ретравматизации» потомков, которых побуждают включиться в переживание «процесса травмы» (Трубицына, 2005). Как подчёркивает Л.В. Трубицына, событие может «переживаться определённым образом как травматичное» и в «отсроченном» режиме – через последующее понимание, оценку и воображение – то есть как «травма осознания» (с. 13).

Суммируя, можно сказать, что практики памяти о «трудном прошлом», нацеленные на формирование постпамяти за пределами семьи и межпоколенной устной передачи от бабушек к внукам, основаны на искусственном конструировании условий и ситуаций – среды – для «провоцирования» «травмы осознания», стимулируя эмоциональную сферу через воображение, а когнитивную – через оценку и понимание.

Соответственно, попытка выстроить «совместное воспоминание» «потомков жертв» и «потомков палачей» должна включать взаимное «сопереживание и признание чужой памяти», поскольку «потомки палачей» нередко вдруг сталкиваются с таким родством, получая, вероятно, не меньшую «травму осознания», чем потомки жертв, знакомясь с историями и документами о своих предках.

Дискуссии о «потомках палачей»: 2016 год

Со второй половины 2010-х гг. в России активизировался дискурс о «потомках палачей», обрастая собственной логикой, содержанием и смысловыми акцентами. С 2016 по 2021 год в России можно отметить пять ключевых точек, спровоцировавших развитие данного дискурса.

Весной 2016 г. широкой общественности стало известно о проекте «Расследование Карагодина», посвящённом изучению обстоятельств и участников расстрела конкретного человека (прадеда Д. Карагодина) в рамках массовых политических репрессий 1937-1938 гг., на основании архивных документов, полученных в результате запросов и официальной переписки с архивами и различными ведомствами (Волчек, 2016; Курилла, 2016).

В ноябре 2016 года практически одновременно Д. Карагодин опубликовал на своём сайте наполненное внутренними переживаниями, осмыслением внезапно открывшегося такого родства и покаянием письмо внучки одного

из сотрудников НКВД, причастных к расстрелу его прадеда (Акт..., 2016), и общество «Мемориал»* открыло доступ к справочнику А. Жукова «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935-1939» – базе данных более 40 тысяч сотрудников НКВД (БД «Кадровый состав...», 2016).

Совпавшие по времени, эти два события вызвали широкие дискуссии и очередной всплеск интереса к теме «потомков палачей». В сети Интернет высказались разные общественные и политических деятели (Сванидзе, 2016; Черкасов, 2016; Самодуров, 2016) и официальные лица («Песков считает...», 2016), СМИ опубликовали подборки комментариев из социальных сетей (Пономарёва, 2016а; 2016б), взяли интервью как у «зачинщиков» обсуждения – Д. Карагодина («Выяснилось...», 2016; Волчек, 2016) и Я. Рачинского (Камакин, 2016), так и у самих «потомков палачей» (Карпов, 2016; Вишневецкая, 2016).

Я. Рачинский так обозначил цель публикации базы данных: «помимо сугубо научной стороны, есть общественная. Исследование трагического периода массовых репрессий до сих пор носило несколько односторонний характер: внимание уделялось жертвам преступлений, а виновные в преступлениях и исполнители оставались за кадром. Нужно знать имена и этих людей» (Камакин, 2016). Д. Карагодин в эпиграфе к публикации выдержек из письма Ю. Зыряновой под названием «Акт гражданского согласия и примирения» написал: «Внучка палача попросила прощения у правнука убитого им человека. Правнук в ответ протянул руку примирения и предложил “обнулить” ситуацию, полагая покончить, тем самым, с этой бесконечной российской гражданской войной» (Акт..., 2016). «Началось, кажется, впервые в нашей стране, активное обсуждение вопроса отношения потомков палачей к преступлениям своих предков», – многообещающе отмечали авторы журнала «CIVITAS: Вестник гражданского общества (Самодуров, 2016). И. Курилла по поводу «Расследования Карагодина» написал, что его последствия могут привести «к той дискуссии, что не состоялась у нас ни в 1950-е, ни в 1980-е годы» (Курилла, 2016).

Озвученные в СМИ с одной стороны опасения о возможной «мести со стороны потомков репрессированных» (Угланова, 2016) как потенциальной точке эскалации латентно присутствующей социальной напряжённости и раскола в российском обществе, с другой стороны натолкнулись на довольно сдержанную общую тональность обсуждений. Пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков осторожно обозначил эту тему «достаточно чувствительной», подчеркнув, что по ней «мнения расходятся у многих, существуют диаметрально противоположные точки зрения» («Песков считает...», 2016). Н. Сванидзе связал «многоуровневость сложностей» этой темы, прежде всего, с проблемой субъекта ответственности за преступления прошлого и ответственности «потомков палачей» за их предков, указав, что они-то «точно ни в чём не виноваты» (Сванидзе, 2016). А. Черкасов, также рассуждая об ответственности, отметил: «главное – нет никакой «генетической предопределен-

ности» к палаческому ремеслу. ...«Жертвы» и «палачи» – не сословия, в которых вина, ответственность а priori перекладывается на потомков (и только на них). Внуки и правнуки не отвечают автоматически за своих предков: потомок не значит «наследник». Вступление в наследство – всегда сознательный акт, сознательный выбор» (Черкасов, 2016).

Опубликованные интервью и комментарии «потомков жертв» и «потомков палачей» показывали сложность переживаний с обеих сторон. А. Симо, внук расстрелянной вместе с С. Карагодиным Е. Симо, довольно ёмко сформулировал общий настрой:

«желание отомстить убийцам у меня, конечно, есть. Лучшее наказание – это чтобы они поняли, сколь позорно их дело... А что касается потомков – я не знаю, какая может быть месть. Возможно, они исповедуют совсем другие взгляды, мстить им совершенно не за что... но напомнить им о том, кем их дед был, и заставить определиться, на какой они стороне, видимо, надо» (Волчек, 2016).

Принцип освобождения от «грехов предков» вызвал поддержку у «потомков палачей»:

«что касается родственников преступников – они не несут ответственности за своих предков. Каждый должен быть судим только за свои дела» (А. Иванов),

«никто не должен отвечать за чужие грехи – ни в метафизическом смысле, ни в юридическом... мне не близка идея коллективного покаяния людей, виновных только в кровном родстве с сотрудниками НКВД. Я ...точно не виноват в том, что делал или чего не делал мой прапрадед... Человек отвечает только сам за себя» (С. Ореханов) (Карпов, 2016).

Предписываемая же потомкам обязанность «определиться, на какой они стороне» вызывало сильное внутреннее напряжение – одновременно и желание, и нежелание признать вину предка: «виноватых не найти, да их и не было, виновата система», (Ю. Васильев), «я уверен, что все сотрудники НКВД – точно такие же жертвы этой системы, как и те, кого они отправляли в лагеря или расстреливали» (С. Ореханов) (Карпов, 2016), «какие-то страшные ужасы я про нее прочитала. Что чуть ли не сама она расстреливала людей» (Е. Пархоменко), «мы очень хотим узнать, как было дело... Мой сын, ему сейчас уже 23, думает о том, чтобы сменить фамилию. Он не хочет носить фамилию убийцы» (Ю. Завьялова) (Вишневецкая, 2016), и одновременно – «на самом деле, не знаю, зачем, но уверен, что надо знать и помнить... никто ни перед кем не виноват, никто не должен каяться, просто все должны знать и помнить» (С. Ореханов) (Пост С. Ореханова..., 2016), «народ имеет право знать свою историю, и скрывать эту информацию – преступление против него» (А. Иванов) (Карпов, 2016), «имя моего прадеда есть в этой базе. В том, что он – палач, я, к сожалению, не сомневаюсь. Просить прощения за то, чего не совершал я сам, я не буду: я не чувствую личной вины, палачество не передается по наследству. Но в то же время, я хочу сказать, что именно потому,

что палачество по наследству не передаётся, я волен оценивать поступки своего предка так, как мне подсказывают совесть и воспитание. Этим поступкам я ужасаюсь...» (Иван) (Комментарии..., 2016).

Ю. Самодуров очень точно обратил внимание на то, что хоть «общество ждет, чтобы потомки палачей публично осудили их участие в проведении политических репрессий», и это вполне логично, но сама идея «каяться», «публично просить прощения за своих дедушек и прадедушек или других родственников, виновных в осуществлении политических репрессий» – «неудачна», потенциально конфликтна. Он предлагает более приемлемую для «потомков палачей» стратегию: «мне кажется, что возможно публично осудить деда или прадеда за то, что они выбивали показания и расстреливали ни в чем не повинных, впоследствии реабилитированных людей, и в то же время не отказываться от них и даже продолжать любить» (Самодуров, 2016).

И. Щербакова также поддержала такой подход к «чувствительному» вопросу о «потомках палачей», уточнив, что «формально потомки сотрудников НКВД не несут никакой ответственности за поступки своих родственников и не должны ее нести. Принуждать никого нельзя. Кто-то хочет сказать: да, мне больно, что в истории моей семьи были такие люди. Кто-то просто промолчит и все». Тем не менее, «у потомков жертв должно быть право обвинить. Не потомков палачей, но самих палачей, даже если их нет в живых» (Карпов, 2016).

С. Бондаренко предложил вовсе «не делить людей на потомков жертв и палачей», полагая, что «эта преемственность сконструирована», а «с каждым последующим поколением» дистанция для обсуждения становится всё более безопасной (Вишневецкая, 2016).

Тем не менее, постепенное огосударствление политики памяти в целом и политики памяти об эпохе политических репрессий в частности за последние годы, ужесточение законодательства об «иноагентах» (Малев, 2018; Что меняется..., 2020; Вступили в силу..., 2021) и «нормализация» в общественном сознании риторики внешних и внутренних врагов, в том числе, через «нормализацию советского террора» (Эппле, 2021, с. 87) – всё это привело к определённой радикализации и поляризации мнений и в отношении темы «потомков палачей».

Дискуссии о «потомках палачей»: 2021 год

Ещё в 2017-2018 гг. герои публикаций Д. Волчека выражали обеспокоенность и тревогу по поводу разворачивающегося дискурса о «потомках палачей». Благодаря проекту Д. Карагодина о судьбе своего предка, сотрудника НКВД, узнала А. Опирхал. Родившись и проживая в Европе, она решила подробнее узнать «правду о дедушке из России», о том, что случилось и почему он до сих пор не реабилитирован. В интервью она рассказывает, что когда

получила ответ от Д. Карагодина: «ваш прадед – массовый убийца», – она «была потрясена», «действительно расстроилась», узнав, что «он повинен в стольких злодеяниях» (Волчек, 2017). Несмотря на то, что сама А. Опирхал придерживается позиции диалога и примирения («похоже, наступило время для внуков и правнуков жертв и организаторов Большого террора заговорить о прошлом» (там же)), такую позицию Д. Карагодин называет скорее «гуманитарным исключением». Правилom же оказываются ситуации, когда, с одной стороны, «потомки палачей» пишут «комментарии к постам, из серии “это все ложь”, или “на самом деле он бы хороший человек, что бы вы о нем здесь не писали” и т. д.» (там же), а, с другой стороны, на «потомков палачей» выливается «безосновательный и ничем не мотивированный» «чудовищный поток ненависти и угроз» в связи с предками (Волчек, 2018).

А. Антонов, в свою очередь, полемизируя в интервью с журналистом по поводу его замечания «вряд ли можно сказать, что ...родственникам палачей кто-то всерьез угрожает», задаёт ответный вопрос: «на каком фактическом основании вы говорите об отсутствии серьезных угроз с чьей-либо стороны в адрес потомков деятелей сталинской эпохи? Может быть потому, что неизвестны случаи расправ с ними? Или может быть, должна пролиться чья-то невинная кровь, чтобы вы начали считать иначе?» (там же). При этом сам А. Антонов поддерживает стратегию «диалога и примирения», высказанную Ю. Зыряновой, А. Опирхал и др., но обращает внимание, что её трудно реализовать в современной России: «не мой предок, покойный, лишает меня возможности говорить о нем, а ныне живущие соотечественники, жаждущие найти очередной предмет ненависти» (Там же).

Следующий виток в обсуждении данной темы пришёлся на 2021 г. Если осенью 2016 г. Д. Карагодину внучка одного из сотрудников НКВД, причастных к расстрелу его прадеда, написала письмо-покаяние, то весной 2021 г. сын другого сотрудника НКВД, причастного к делу прадеда Д. Карагодина, подал заявление в полицию, обвиняя самого Дениса в дискредитации имени своего отца (Сын сотрудника..., 2021; Рыжкина & Лютова, 2021; «Они перешли...», 2021). Это событие породило новую волну дискуссий о трудной памяти, необходимости проработки прошлого и «потомках палачей».

И. Яковлев, руководитель пресс-службы партии «Яблоко», сам занимающийся исследованием семейной истории, сразу в день публикации новости об этом иске – 03 марта 2021 г. – выразил поддержку Д. Карагодину, сравнив его деятельность с «комиссиями правды» и подчеркнув, что он «извлекает из архивов и обнародует железобетонные доказательства причастности конкретных людей к массовым убийствам», причём «делает это совершенно без эмоций – сухо и юридически выверено» (Яковлев, 2021a). И. Яковлев не исключил возможность того, что таким иском может создаваться прецедент, чтобы «другим исследователям неповадно было копаться в архивах» (Там же).

Схожий взгляд высказала журналистка электронного издания «Газета.ру» в вышедшей на следующий день заметке с подзаголовком «Как россияне борются за наказание для палачей жертв репрессий» (Баландина, 2021).

Конфликт «потомка жертвы» и «потомка палача», выраженный в оппозиции: «все, кто причастен к убийству – убийцы» vs «нельзя считать человека преступником без решения суда», в конкретном случае «есть подпись на выписке из акта расстрела – значит, причастен» vs «нельзя считать причастным к убийству 20-летнего регистратора учетно-статистического отдела УНКВД», юристом М. Оленичевым интерпретируется следующим образом: «в этом деле сын бывшего сотрудника НКВД желает обелить имя своего отца, который работал в НКВД, но, по версии Сергея [Матюшова – прим. авт.], участия в убийствах мирных граждан не принимал. Если опубликованные Денисом [Карагодиным – прим. авт.] документы говорят о другом, то от истории никуда не деться: работал – принимал участие в репрессиях» (Там же).

Неопределённость обеих крайних позиций, приводящая к их обоюдной неудовлетворённости действиями друг друга, очень точно выразил в интервью «Комсомольской правде» один из инициаторов другого «иска о клевете» М. Прокофьев: «Клевета в том, что вина людей не доказана. Ни в одном документе не написано, что конкретные сотрудники наркомата внутренних дел – убийцы. Они не были осуждены» (Ворсобин & Стешин, 2021). Собственно, проект Д. Карагодина (и аналогичные ему) направлен как раз на то, чтобы поднять вопрос вины и ответственности организаторов и исполнителей массового террора эпохи политических репрессий 1930-х гг., прямо не указанной в официальных документах, и осудить преступников. В таком случае вопрос о клевете будет снят сам собой.

Вероятно, именно неопределённость юридического статуса «палачей» как преступников, этот юридический зазор – при сложившейся оценке эпохи в законе «О реабилитации жертв политических репрессий» (Закон РФ «О реабилитации...») и моральным сообществом, сформированном деятельностью «Мемориала»* и схожих по целям организаций/проектов вокруг этой темы как однозначно преступной и отрицательной – становится серьёзным препятствием в выработке языка «симметричной памяти», оставляя трактовку деятельности «палачей» открытой для интерпретаций. Возможно, юридическая опора в определении исполнения служебных функций сотрудниками НКВД для осуществления массовых политических репрессий как однозначно преступных помогла бы в выработке языка «совместных воспоминаний» – как о преступлении, так и о травме («травме осознания»).

На сайте портала «Такие дела»¹ в мае 2021 г. журналистка А. Ковалли, предварив свой материал кратким изложением истории с иском С. Матюшова, предложила рассказать о трудном советском наследии через семейные

1 СМИ, признанное в России иностранным агентом.

истории представителям обеих сторон. Нарративы потомков репрессированных выглядят достаточно однородными, следуя некоему негласно сложившемуся «канону» (жизнь до – арест – смерть/лагерь + страдания семьи – после освобождения) в тональности эмпатии, сострадания, бережности к отрывкам информации и воспоминаний и долга сохранить память о предке – даже при условии приверженности советским политическим идеалам («родство с репрессированным автоматически не означает критическое отношение к советской власти» (Ковалли, 2021)). Рассказчики уверены в своей правоте и праве на свидетельствование.

Нарративы «потомков палачей» не имеют канона и словно находятся в поиске своего языка, транслируя читателю неуверенность и растерянность адресанта, непонимание, как правильно рассказывать о таком родстве, желание заручиться моральной поддержкой у общества, при этом не предав родства. Один из героев А. Ковалли рассказывает: «Мне трудно осмыслить семейную историю. Вот есть мамыны родственники, все они жертвы, вот есть папины родственники – это номенклатурная и благополучная советская семья, среди них и мой двоюродный прадед-энкавэдэшник. Грубо говоря, половина родственников – палачи, половина жертвы, но на самом деле все люди того времени отчасти были жертвами системы». Рассказчик, зная, что его родственник «лично убил довольно большое количество людей», словно пытается отгородиться (но не отречься!) от такого родства, подчёркивая, что он «в целом ...доволен, что это не родной прадед, а двоюродный» (личное измерение), и вообще, все они там были «жертвы системы» (социально-политическое измерение) (Там же). Вероятно, «странный набор эмоций», который испытывает герой А. Ковалли, это следствие/результат попытки сохранить позитивную самоидентичность в условиях «травмы осознания» родственной связи с «палачом» и отсутствия языка проговаривания такой истории в публичном пространстве – в качестве свидетельствующего для морального сообщества (по А. Ассман).

Потомки «двойного наследия»

Принципиальное различие описанных выше нарративов становится ещё более очевидным, когда в одном человеке сходятся обе роли – «потомка жертвы» и «потомка палача». Так, И. Яковлев на своей странице по изучению семейной истории под названием «Родословная энциклопедия» рассказывает в т.ч. про репрессированных родственников (своих и жены). Среди предков он обнаружил сотрудника НКВД. Пост об этом сам И. Яковлев назвал «признанием» («Признание: мой двоюродный прадед – участник Большого террора») и «каминг-аутом» (Яковлев, 2021б). В тексте одновременно присутствуют уже знакомый мотив ограждения от родственной связи («хотелось верить, что это просто однофамилец»), поиска дополнительных её подтверждений и

подтверждений преступлений («мне еще предстоит поехать в Иркутск, чтобы попробовать найти в архивах другие документальные доказательства вины двоюродного прадеда») и одновременно признания и принятия ситуации как она есть («вот такая семейная история – история страны в миниатюре. Не надо ее стесняться, как бы ни было неприятно. Надо искать правду и не повторять ошибок и преступлений предков») (Там же).

«Странный набор эмоций» и поиск языка их описания побуждает И. Яковлева самого наделить себя функцией свидетеля / свидетельствующего (в смысле А. Ассман) – только с противоположной стороны: «после этого каминг-аута считаю себя вправе обнародовать данные о других чекистах, чье участие в политических репрессиях 1930-х подтверждаются материалами архивных дел» (Там же).

Интересно, что «искупление» как механизм поддержания позитивной самоидентичности выражается у И. Яковлева в взаимосвязанном двунаправленном процессе: с одной стороны, он берёт на себя роль «семейного обвинителя» («цель у меня благородная – опубликовать как можно больше свидетельств преступлений своего родственника, раз государство не хочет этим заниматься» (Яковлев, 2021в)), демонстрируя деятельное осуждение предка (но не разрыв!), с другой – роль помощника в поиске репрессированных предков «потомкам жертв» (инверсия роли прадеда-«палача»), радуясь возможности прямого, искреннего и продуктивного диалога между потомками жертв и палачей («предок Алексея был жертвой, а мой – палачом. Как бы то ни было, у Алексея не было ко мне претензий. Напротив, он попросил меня помочь... Я дал несколько советов, и спустя полгода Алексей написал мне снова, на этот раз чтобы поделиться радостью. Он смог получить протоколы допросов, фотографии из следственного дела и другие ценные документы своего двоюродного деда» (Яковлев, 2021г)). В конце поста И. Яковлев делает важный для себя вывод: «мы можем друг другу помогать, вместе искать и находить правду о Большом терроре», находить «путь к национальному примирению» (Там же). При этом, «мы», в котором читается непреодоленная разделённость, в случае И. Яковлева (и подобных ему – одновременно потомков жертв и палачей) касается не только общества, но и его личности, целостность которой он поддерживает не покаянием словом, а искуплением действием, предлагая свой вариант достижения «симметричной памяти» о трудном прошлом в миниатюре.

И. Сажин, руководитель отделения «Мемориала»* в Республике Коми, в интервью порталу «Север.Реалии»*** также рассказывал о своём опыте осмысления двойного наследования: «изначально было очень сложно, потому что я же постепенно узнавал, по кусочкам. Сначала про деда репрессированного, уже в 90-е годы, потом про деда, которого я очень любил, ...который был охранником в тюрьме... Это постепенно все узнавалось. Но это приходилось принимать, потому что это история семьи, история родины, история

страны, и никуда от этого не деться. ...Все это приходило, приводило в трепет, в удивление – как же так, что это?.. Но потихоньку я понимал, что это часть всей истории страны, это часть каждого из нас. Очень легко быть на одной стороне, но невозможно быть на одной стороне. Мне приходится быть сразу на обеих сторонах и как-то это примирять. Никуда от этого не деться» (Прокопьева, 2021).

И. Сажин несколько раз повторяет, насколько сложно было осознавать факт родства с «палачом» (учитывая, что это был «дед, которого [он] очень любил»): через «трепет», «удивление», внутреннее переживание уже знакомого нам «странного набора эмоций», необходимость принятия (в форме долженствования) – к принятию(?). Налаживая диалог между «потомком жертвы» и «потомком палача» внутри себя, И. Сажин и идею покаяния трактует, прежде всего, как «покаяние перед самими собой», в котором наряду с социально-политическим смыслом (покаяние внутри одной нации) считается и индивидуальный. Следуя своему собственному опыту, он подчёркивает, что «надо научиться и прощать, и принимать, принимать и жертву, и палача... нам надо научиться разговаривать именно в плане уважения и той, и другой стороны...», завершая свою мысль утверждением: «увы, нам придется это сделать...» (Там же).

И. Сажин, как и И. Яковлев, своей деятельностью («искупление действием») и позицией («принять и простить») фактически демонстрирует возможную модель «симметричной памяти», в которой будут одинаково услышаны голоса потомков и жертв, и палачей. Тем не менее, долженствования – «надо», «должны», «придётся», которые в той или иной степени звучат у обоих носителей «двойного наследия», раскрывая их непростой путь переживания «травмы осознания», могут не выглядеть столь убедительно для потомков с какой-либо одной стороны, не столкнувшихся с ситуацией «быть сразу на обеих сторонах».

В отличие от И. Сажина, И. Яковлева и др., у «потомков жертв» и «потомков палачей» есть возможность «спрятаться» друг от друга – через закрытие/ограничение доступа в архивы, через создание сильного морального сообщества одной из сторон, через создание практик памяти, исключая участие другой стороны, через молчание и умолчания и т.д., сохраняя память о / предавая забвению «трудное прошлое» и затрудняя в настоящем разговор о нём.

В этом смысле личные практики выстраивания «симметричной памяти» и преодоления «травмы осознания» родства с «палачами» становятся особенно ценными для формирования общественных дискуссий и научного дискурса.

Радикализация языка и «асимметрия памяти»

На практике, тем не менее, в конце 2021 г. в социально-политическом поле был взят курс скорее на усиление «асимметрии памяти»: 25 ноября Прокуратура РФ подала иски и инициировала судебные процессы о ликвидации «Международного Мемориала»* и ПЦ «Мемориал»*, которые в конце декабря были удовлетворены решением Верховного суда РФ (Верховный суд..., 2021). Это событие дало новый импульс к обсуждению темы «потомков палачей», сильно контрастирующей со стратегией «гражданского мира», очень осторожно и несмело нащупываемой разными акторами ранее.

Н. Эппле в интервью от 3 декабря 2021 г. говорит о том, что «путь к национальному примирению, обретению гражданского единства» возможен, только если «договориться о прошлом», «выстроить инфраструктуру разговора о прошлом», «дав голос жертвам и потомкам жертв» (Колезев, 2021). Интересно, что «потомки палачей» трактуются Н. Эппле в одном смысловом поле с непосредственно палачами, когда он объясняет, почему считает «вражду потомков жертв и палачей – мифом»: «это миф и манипуляция, которые транслируются теми, кто не заинтересован в публикации фактов и имен палачей» (Там же), предполагая тем самым, что среди «манипуляторов» находятся, прежде всего, «потомки палачей».

Усиление обвинительного крена обозначилось и в комментариях к информационным интернет-публикациям и постам в социальных сетях о процессе по ликвидации Мемориала* и самом факте его ликвидации, общую направленность которых можно обозначить так: «реванш потомков сталинской вохры» (Лошак, 2021).

Радикализация языка, безусловно, сигнализирует об усилившейся радикализации позиций морального сообщества, сложившегося вокруг жертв и «потомков жертв», в отношении «потомков палачей» как потомков палачей. Однако можно утверждать, что в условиях усиления монополизации сферы памяти государственными акторами угроза «лишения голоса» и предания забвению касается обеих сторон: если «громкость» голоса «потомков жертв» власть стремится уменьшить, то робкие голоса «потомков палачей», вдруг узнавших о таком родстве, или носителей «двойного наследия» – сделать вовсе неслышными. Сложные этические и морально-психологические конструкции в выстраивании «общих воспоминаний» и «симметричной памяти», требующие гибкого подхода и поощрения инициативных низовых практик, признающих «множественность памятей» и интерпретаций в эпоху постмодерна – являясь ключевыми принципами в работе с «трудным прошлым», не являются сегодня стержневыми принципами государственной политики памяти.

Н. Эппле объясняет это следующим образом: негосударственные, низовые практики памяти направлены на то, чтобы сделать очевидным тезис «интересы

государства не могут быть выше и важнее ценности человеческой жизни» (Колезев, 2021). Такая позиция подразумевает, что не государство, а человек решает, «что можно, а что нельзя государству» (Там же), то есть человеческое измерение опрокидывается в политику, диктуя собственную логику вины и ответственности, не согласующуюся с официальной позицией власти.

Кроме того, отсутствие юридически оформленной позиции власти в отношении памяти об эпохе политических репрессий, включая руководителей и организаторов массового террора и отдельных участников этого процесса с обеих сторон («жертв», «палачей», а также «доносчиков» и пр.), затрудняет / делает невозможным публичное выстраивание «совместных воспоминаний» их потомков. Это, в свою очередь, способствует размытости категории «потомки плачей», которая в условиях юридической неопределённости субъекта вины и ответственности позволяет распространять вину и ответственность на широкий круг людей и институций без подтверждения их причастности к преступлениям, что ещё больше усложняет выстраивание «симметрии памяти».

Заключение

Исследования Н. Эппле, Е. Лёзиной, Д. Хлевнюк и Г. Юдина (Преодоление..., 2019) и др. убедительно показывают необходимость «проработки» травматичного прошлого для достижения гражданского мира и возможности стабильного социально-политического развития в самых разных странах мира. Разные общества и государства предлагают отличающиеся друг от друга по степени успешности / глубины / юридического оформления варианты разговора о трудных страницах истории, выстраивании «совместных воспоминаний» жертв, палачей и их потомков.

В 2019 г. Д. Хлевнюк и Г. Юдин, исследуя сценарии работы с трудным прошлым в поисках аналогичного сценария для России, писали о том, что хотя «для коллективного преодоления трудного прошлого в России еще не придумано надежных инструментов», тем не менее, «россияне готовы – вместе и заново – пережить XX век, чтобы он перестал разделять нас на враждующие блоки..., что признавать свою вину, вслух говорить о трагедиях прошлого, чтобы больше их не повторять, – может оказаться по силам нашему обществу» (Преодоление..., 2019).

2021 год в некоторой степени изменил конфигурацию смыслов, акторов и сил, но зафиксированная Д. Хлевнюк и Г. Юдиным готовность / способность / потребность к переосмыслению прошлого даёт основания полагать, что даже в условиях ограниченных возможностей попытки выстраивания «симметричной памяти» «потомков жертв» и «потомков палачей» будут продолжаться.

* Организация, признанная в России иностранным агентом и ликвидированная по решению Верховного Суда РФ.

** Социальная сеть, признанная в России принадлежащей экстремистской организации.

*** СМИ, признанное в России иностранным агентом.

Список литературы

- Акт гражданского согласия и примирения. (2016, ноябрь 21). Расследование КАРАГОДИНА.
<https://karagodin.org/?p=11119>
- Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Новое Литературное Обозрение.
- Бондаренко, С. (2016, март 25). «Все функции чувств уничтожены». Интервью с создателем проекта «Бессмертный барак». <https://urokiistorii.ru/articles/vse-funkcii-chuvstv-unichtozheny>
- Верховный Суд ликвидировал «Мемориал»*. (2021, декабрь 28). ТАСС.
<https://tass.ru/obschestvo/13316607>
- Вишневецкая, Ю. (2016, декабрь 12). Что чувствуют сегодня потомки сотрудников НКВД. «DW»***. <https://www.dw.com/ru/%D1%87%D1%82%D0%BE-%D1%87%D1%83%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83%D1%8E%D1%82-%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%BD%D0%BA%D0%B2%D0%B4/a-36741589>
- Волчек, Д. (2016а, июнь 18). Произошло убийство. «Радио Свобода»***.
<https://www.svoboda.org/a/27803161.html>
- Волчек, Д. (2016b, ноябрь 26). Почта Дениса Карагодина. «Радио Свобода»***.
<https://www.svoboda.org/a/28139306.html>
- Волчек, Д. (2017, декабрь 12). Ваш прадед – массовый убийца. «Радио Свобода»***.
<https://www.svoboda.org/a/28375447.html>
- Волчек, Д. (2018, март 17). «Мы тычем палкой в пасть зверя». Разговор с правнуком чекиста. «Радио Свобода»***. <https://www.svoboda.org/a/29101852.html>
- Ворсобин, В., & Стешин, Д. (2021, май 4). Эхо сталинских репрессий: Надо ли делить своих предков на палачей и жертв. Комсомольская правда.
<https://www.kp.ru/daily/27273/4408100/>
- Вступили в силу новые требования к НКО-иноагентам. (2021, октябрь 6). Государственная Дума.
<http://duma.gov.ru/news/52377/>
- «Выяснилось, что в одной семье и жертвы, и палачи» Денис Карагодин нашел имена тех, кто расстрелял его прадеда. (2016, ноябрь 21). Meduza***.
<https://meduza.io/feature/2016/11/21/vyvasnilos-chno-v-odnoy-semie-i-zhertvy-i-palachi>
- Дорман, В. (2010). От Соловков до Бутово: Русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*, 2, 327–347.
- Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 N 1761-1 (последняя редакция). (б. д.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/

- Камакин, А. (2016, ноябрь 29). Потомки сотрудников НКВД начали присылать «Мемориалу»* данные о предках. Координатор «Справочника о чекистах» рассказал, что его сайт атаковали черви и боты. <https://www.mk.ru/politics/2016/11/29/potomki-sotrudnikov-nkvd-nachali-prisyilat-memorialu-dannye-o-predkakh.html>
- Карпов, М. (2016, декабрь 10). «По-другому было и нельзя» Как потомки сотрудников НКВД оценивают деятельность своих родственников. Lenta.RU. https://lenta.ru/articles/2016/12/02/nkvd_list/
- Ковалли, А. (2021, май 31). «Просить прощения у одной части семьи за другую». <https://takiedela.ru/2021/05/prosit-proshheniya-u-odnoy-chasti-semi/> ***
- Колезев, Д. (2021, декабрь 3). Травма сталинизма. Как память о Большом терроре влияет на власть и общество в современной России. Разговор с Николаем Энгле. «Republic»***. <https://republic.ru/posts/102498>
- Курилла, И. (2016, июль 14). Назовите имена палачей. Как в России возрождается память о прошлом. Расследование КАРАГОДИНА. <https://karagodin.org/?p=7617>
- Курилла, И. (2022). Битва за прошлое: Как политика меняет историю. Альпина Паблишер.
- Лёзина, Е. (2021). XX век: Проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. Новое литературное обозрение.
- Лошак, А. (2021, декабрь 28). Пост в социальной сети «Facebook»**. Facebook**. <https://www.facebook.com/andrey.loshak/posts/10159670691812094>
- Малаев, М. (2018, июль 3). Как в России появились «иностранцы агенты». Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/3676012>
- «Они перешли политическую грань». Сын сотрудника НКВД – о том, почему написал заявление на расследователя репрессий. (2021, март 3). Вот Так. <https://vot-tak.tv/novosti/03-03-2021-son-nkvd-oppression/>
- Ореханов, С. (2016, ноябрь 25). Пост в социальной сети «Facebook»**. Facebook**. <https://www.facebook.com/simaorehanov/posts/1315976915135348>
- Палач или жертва: Сын чекиста заявил в полицию на потомка репрессированного. (2021, март 4). Газета.Ru. <https://www.gazeta.ru/social/2021/03/03/13499360.shtml>
- Песков считает чувствительным вопрос о публикации данных сотрудников НКВД. (2021, ноябрь 24). ТАСС. <https://tass.ru/politika/3809752>
- Пономарёва, А. (2021a, ноябрь 23). Найти палачей, простить потомков. Радио Свобода***. <https://www.svoboda.org/a/28134691.html>
- Пономарёва, А. (2021b, ноябрь 25). Пожалейте, люди, палачей. Радио Свобода***. <https://www.svoboda.org/a/28138998.html>
- Преодоление трудного прошлого: Сценарий для России. (2019). Трудная память. <http://trudnaya-pamyat.ru>
- Прокопьева, С. (2021, ноябрь 20). «Надо простить всех». Один дед был репрессирован, другой – в СМЕРШе. Север.Реалии***. <https://www.severreal.org/a/odin-ded-byt-repressirovan-drugoy-v-smershe/31569786.html>

- Рыжкина, Н., & Лютова, Е. (2021, март 4). «Мой отец не палач, у него – награды!»: Сын сотрудника НКВД написал заявление на правнука расстрелянного сибиряка. Московский комсомолец. <https://www.nsk.kp.ru/daily/27247/4376858/>
- Самодуров, Ю. (2016, ноябрь 28). Потомки палачей. Вестник CIVITAS. <http://vestnikcivitas.ru/pbls/4023>
- Сванидзе, Н. (2016, ноябрь 30). Чистка исторических сосудов: Жертвы, палачи и их потомки. Вести.ру. <https://www.vesti.ru/article/1641103>
- Трубицына, Л. В. (2005). Процесс травмы. Смысл; ЧеРо.
- Углонова, К. (2016, ноябрь 27). В сети появилась база данных сотрудников НКВД, расстрелявших омичей. Комсомольская Правда. Омск. <https://www.omsk.kp.ru/daily/26612.7/3629151/>
- Хирш, М. (2016). Что такое постпамять. Уроки истории. <https://urokiistorii.ru/articles/chto-takoe-postpamjat>
- Черкасов, А. (2016, декабрь 2). Взглядываясь в бездну. Inliberty. <https://old.inliberty.ru/blog/2444-Vglyadyvayas-v-bezdn>
- Что меняется в законодательстве об иноагентах? (2020, декабрь 23). Государственная Дума. <http://duma.gov.ru/news/50387/>
- Эппле, Н. (2021). Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах. Новое Литературное Обозрение.
- Эткинд, А. (2016). Кривое горе: Память о непогребенных. Новое литературное обозрение.
- Яковлев, И. (2021a, март 3). В поддержку расследования Карагодина. Родословная энциклопедия. <https://yakovlev.family/2021/03/03/v-podderzhku-rassledovaniya-karagodina/>
- Яковлев, И. (2021b, апрель 9). Признание: Мой двоюродный прадед – участник Большого террора. Родословная энциклопедия. <https://yakovlev.family/2021/04/09/priznanie/>
- Яковлев, И. (2021c, октябрь 30). Воодушевляющая история в День памяти жертв политических репрессий. Родословная энциклопедия. <https://yakovlev.family/2021/10/30/30oct/>
- Яковлев, И. (2021d, декабрь 13). Нашел человека, чье дело в 1938-м вел мой родственник-чекист. Родословная энциклопедия. <https://yakovlev.family/2021/12/13/eskevich-bereza/>

* Организация, признанная в России иностранным агентом и ликвидированная по решению Верховного Суда РФ.

** Социальная сеть, признанная в России принадлежащей экстремистской организации.

*** СМИ, признанное в России иностранным агентом.

References

- “They crossed the political line.” Son of NKVD officer – about why he wrote a report on the investigator of repressions. (2021, March 3). Vot Rak. <https://vot-tak.tv/novosti/03-03-2021-son-nkvd-oppression/> (In Russian).

- “Turns out there are both victims and executioners in the same family.” Denis Karagodin found the names of those who shot his great-grandfather. (2016, November 21). Meduza***. <https://meduza.io/feature/2016/11/21/vvyasnilos-chto-v-odnoy-semie-i-zhertvy-i-palachi> (In Russian).
- An Act of Civic Concord and Reconciliation. (2016, November 21). KARAGODIN Investigation. <https://karagodin.org/?p=11119> (In Russian).
- Assman, A. (2014). *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. New Literary Review. (In Russian).
- Bondarenko, S. (2016, March 25). “All functions of the senses have been destroyed.” Interview with the creator of the “Immortal Barracks” project. <https://urokiistorii.ru/articles/vse-funkcii-chuvstv-unichtozheny> (In Russian).
- Cherkasov, A. (2016, December 2). *Staring into the abyss*. Inliberty. <https://old.inliberty.ru/blog/2444-Vglyadyvayas-v-bezdu> (In Russian).
- Dorman, V. (2010). From Solovki to Butovo: The Russian Orthodox Church and the Memory of Soviet Repression in Post-Soviet Russia. *Laboratorium*, 2, 327–347. (In Russian).
- Epple, N. (2021). *An Inconvenient Past: Remembering State Crimes in Russia and Other Countries*. New Literary Review. (In Russian).
- Etkind, A. (2016). *Crooked Mountain: Memory of the Unburied*. New Literary Review. (In Russian).
- Executioner or Victim: The Son of a Chekist Reported to the Police on the Descendant of a Repressed Person*. (2021, March 4). Gazeta.Ru. <https://www.gazeta.ru/social/2021/03/03/13499360.shtml> (In Russian).
- Hirsch, M. (2016). What is post-memory. History Lessons. <https://urokiistorii.ru/articles/chto-takoe-postpamjat> (In Russian).
- Kamakin, A. (2016, November 29). Descendants of NKVD officers started sending data about their ancestors to Memorial*. The coordinator of the “Directory of Chekists” said that his site was attacked by worms and bots. <https://www.mk.ru/politics/2016/11/29/potomki-sotrudnikov-nkvd-nachali-prisylat-memorialu-dannye-o-predkakh.html> (In Russian).
- Karpov, M. (2016, December 10). “It wasn't the other way around.” How the descendants of NKVD officers assess the activities of their relatives. Lenta.RU. https://lenta.ru/articles/2016/12/02/nkvd_list/ (In Russian).
- Kolezev, D. (2021, December 3). *The Trauma of Stalinism. How the memory of the Great Terror influences power and society in contemporary Russia. A Conversation with Nikolai Epple*. Republic***. <https://republic.ru/posts/102498> (In Russian).
- Kovalli, A. (2021, май 31). “Asking forgiveness from one part of the family for another.” <https://takiedela.ru/2021/05/prosit-proshheniya-u-odnoy-chasti-semi/> *** (In Russian).
- Kurilla, E. (2022). *The Battle for the Past: How Politics is Changing History*. Alpina Publisher. (In Russian).
- Kurilla, I. (2016, July 14). Name the names of the executioners. How Russia is reviving the memory of the past. KARAGODIN Investigation. <https://karagodin.org/?p=7617> (In Russian).
- Law of the Russian Federation “On Rehabilitation of Victims of Political Repressions” from 18.10.1991 N 1761-1 (last edition). (n.d.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/ (In Russian).

- Lezina, E. (2021). *The 20th Century: Working Through the Past. Practices of Transitional Justice and the Politics of Memory in Former Dictatorships. Germany, Russia, and Central and Eastern European Countries*. New Literary Review. (In Russian).
- Loshak, A. (2021, December 28). A post on Facebook**. Facebook**. <https://www.facebook.com/andrey.loshak/posts/10159670691812094> (In Russian).
- Malaev, M. (2018, July 3). How “foreign agents” appeared in Russia. Kommersant. <https://www.kommersant.ru/doc/3676012> (In Russian).
- New requirements for non-profit organizations – foreign agents came into force. (2021, October 6). The State Duma. <http://duma.gov.ru/news/52377/> (In Russian).
- Orekhanov, S. (2016, November 25). A post on Facebook**. Facebook**. <https://www.facebook.com/simaorehanov/posts/1315976915135348> (In Russian).
- Overcoming a Difficult Past: A Scenario for Russia. (2019). Difficult memory. <http://trudnaya-pamyat.ru> (In Russian).
- Peskov considers the issue of publishing data of NKVD officers sensitive. (2021, November 24). TASS. <https://tass.ru/politika/3809752> (In Russian).
- Ponomareva, A. (2021a, November 23). Find the executioners, forgive the descendants. Radio Liberty***. <https://www.svoboda.org/a/28134691.html> (In Russian).
- Ponomareva, A. (2021b, November 25). Have pity on the executioners, people. Radio Liberty***. <https://www.svoboda.org/a/28138998.html> (In Russian).
- Prokopyeva, S. (2021, November 20). “We must forgive everyone.” One grandfather was repressed, the other in the SMERSH. North.Realities***. <https://www.severreal.org/a/odin-ded-by-l-repressirovan-drugoy-v-smershe/31569786.html> (In Russian).
- Ryzhkina, N., & Lyutova, E. (2021, March 4). “My father is not an executioner, he has awards!”: The son of a NKVD officer wrote a statement about the great-grandson of a executed Siberian. Moskovsky Komsomolets. <https://www.nsk.kp.ru/daily/27247/4376858/> (In Russian).
- Samodurov, Y. (2016, November 28). Descendants of the Executioners. Herald CIVITAS. <http://vestnikcivitas.ru/pbls/4023> (In Russian).
- Svanidze, N. (2016, November 30). Cleaning the Historical Vessels: Victims, Executioners, and Their Descendants. Vesti.ru. <https://www.vesti.ru/article/1641103> (In Russian).
- The Supreme Court has liquidated Memorial*. (2021, декабрь 28). TASS. <https://tass.ru/obschestvo/13316607> (In Russian).
- Trubitsyna, L. V. (2005). *The trauma process*. Meaning; CheRo. (In Russian).
- Uglanova, K. (2016, November 27). A database of NKVD officers who shot Omsk residents appeared online. Komsomolskaya Pravda. Omsk. <https://www.omsk.kp.ru/daily/26612.7/3629151/> (In Russian).
- Vishnevetskaya, Y. (2016, December 12). How the descendants of the NKVD feel today. DW***. <https://www.dw.com/ru/%D1%87%D1%82%D0%BE-%D1%87%D1%83%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83%D1%8E%D1%82-%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%BD%D0%BA%D0%B2%D0%B4/a-36741589> (In Russian).

- Volchek, D. (2016a, June 18). There has been a murder. *Radio Liberty****. <https://www.svoboda.org/a/27803161.html> (In Russian).
- Volchek, D. (2016b, November 26). Post by Denis Karagodin. *Radio Liberty****. <https://www.svoboda.org/a/28139306.html> (In Russian).
- Volchek, D. (2017, December 12). Your great-grandfather was a mass murderer. *Radio Liberty****. <https://www.svoboda.org/a/28375447.html> (In Russian).
- Volchek, D. (2018, March 17). “We poke a stick in the mouth of the beast”. A conversation with the great-grandson of a Chekist. *Radio Liberty****. <https://www.svoboda.org/a/29101852.html> (In Russian).
- Vorsobin, V., & Steshin, D. (2021, May 4). *Echoes of Stalin's Repressions: Should We Divide Our Ancestors Into Executioners and Victims?* Komsomolskaya Pravda. <https://www.kp.ru/daily/27273/4408100/> (In Russian).
- What is changing in the legislation on foreign agents? (2020, December 23). The State Duma. <http://duma.gov.ru/news/50387/> (In Russian).
- Yakovlev, I. (2021a, March 3). In support of the Karagodin investigation. *Genealogical Encyclopedia*. <https://yakovlev.family/2021/03/03/v-podderzhku-rassledovaniya-karagodina/> (In Russian).
- Yakovlev, I. (2021b, April 9). Confession: My great-uncle was a participant in the Great Terror. *Genealogical Encyclopedia*. <https://yakovlev.family/2021/04/09/priznanie/> (In Russian).
- Yakovlev, I. (2021c, October 30). An inspiring story on the Day of Remembrance for Victims of Political Repressions. *Genealogical Encyclopedia*. <https://yakovlev.family/2021/10/30/30oct/> (In Russian).
- Yakovlev, I. (2021d, December 13). Found the man whose case in 1938 was handled by my KGB relative. *Genealogical Encyclopedia*. <https://yakovlev.family/2021/12/13/eskevich-bereza/> (In Russian).

* An organization recognized in Russia as a foreign agent and liquidated by decision of the Supreme Court of the Russian Federation.

** Social network recognized in Russia as belonging to an extremist organization.

*** Media recognized in Russia as a foreign agent.